

Р 12571

X

**ИВАН
ИЗЪЮРОВ**

**НАШ
БИКИНЬ**

5
2

Иван Изъюров

**НАШ
БИКИНЬ**

*Маленькая
повесть*

Перевод с коми
Вл. Муравьева

КОМИ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЫКТЫВКАР
1969

Дорогие ребята!

В своей небольшой повести коми писатель Иван Васильевич Изъюров показал зарождение в селе Керосдор в год смерти В. И. Ленина пионерского отряда, первые славные дела юных ленинцев, дружбу и взаимопомощь сельских ребят. Пионер Саша Кынев — Бикинь — трагически погибает, но в селе до сих пор помнят его. Он жив в памяти, в сердце тех, кто знал его, кто общался с ним, кто продолжает его дело.

Он с ними, наш Бикинь. Он и с вами, юные читатели, живущие в другое, более счастливое время.

Пишите свои отзывы о прочитанной книжке. Наш адрес: Сыктывкар, Дом печати, Коми книжное издательство.

Я часто вспоминаю тебя, Саня Кынев, закадычный друг моей далекой юности. Когда мне бывает трудно, я всегда мысленно спрашиваю себя: «А как бы на моем месте поступил ты, Саня?»

Помню, в годы Великой Отечественной войны наш батальон получил задание пробраться лесами в тыл врага и разгромить его опорный гарнизон на берегу одного большого озера.

Это было на Севере, на Карельском фронте. Нам и прежде случалось совершать такие рейды. Фронт здесь не имел сплошной линии, и отряды наших лыжников ухитрялись проникать во вражеский тыл на десятки километров.

Но на этот раз нам не повезло. Противник, должно быть, заметил наше продвижение, подпустил нас на лед озера и тогда открыл шквальный огонь из пулеметов.

Пришлось отходить. Хорошо еще, что враги не преследовали нас, видимо, не решившись выйти из своих укреплений.

Обратный путь был очень тяжел. Опасаясь налета фашистской авиации, мы пробирались лесами, через чащу по глубокому снегу, неся на себе раненых товарищей и оставшиеся боеприпасы.

Наступила ночь.

Все выбились из сил, но отдыхать нельзя: надо в темноте успеть перейти линию фронта и вернуться на свои позиции.

Мы шли и шли. Чувствую, больше не могу: еще немного — и сброшу отяжелевшие лыжи и свалюсь в снег, чтобы хоть самую малость, хоть одну минуту отдохнуть.

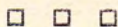
В эту минуту я вдруг вспомнил Саню Кынева, и мне показалось, что я слышу его голос.

— Не падай духом, не останавливайся! — говорил он мне. — Слышишь, не падай духом! Собери все силы, не отставай от товарищей.

Как я подумал о Сане, у меня словно прибавилось сил, и я пошел дальше...

Да и сегодня мне часто не хватает тебя, мой дорогой друг, наш верховод. Ты был самый лучший из нас, самый умный, самый ловкий и сильный, во всем первый. Бывало, посмотришь своими большими синими глазами, и ни у кого язык не повернется соврать при тебе. А как хороша, как светла была твоя улыбка!

Да что говорить! Будь ты жив, ты и сегодня был бы заводилой многих хороших дел...

Саня хочет стать землемером

аше село Керсодор стоит на берегу Вычегды. Два ручейка делят его на три части. Одна часть называется Нижним концом, другая — Верхним, а срединная, самая большая часть села называется Вичкодор, что на коми языке означает «Возле церкви». Давно уже нет в селе церкви, на ее месте построен новый клуб, а название «Вичкодор» сохранилось и поныне.

Мы с Саней жили на Нижнем конце. До Верхнего конца от нас было версты две с лишком, но мы каждый день бегали туда, потому что с той стороны за селом протекала река. Летом мы целыми днями купались, а зимой нас привлекала крутая гора невдалеке от реки.

Бывало, летишь с горы на лыжах — ветер в ушах свистит, только шапку держи!

Ребята — кто в супроб опрокинется, кто на спине с полдороги едет, а мы с Саней каждый раз до конца, до самой реки катились на ногах. А потом снова в гору, и снова вниз. И так до самого вечера. Домой мы с ним уходили последними, благо от материнских глаз далеко.

Вместе с нами, мальчишками, всегда ходила Лиза Казакова, девочка из нашего класса. Она ни в чем не уступала нам — ни в плавании, ни в катании на лыжах.

Мы не очень-то принимали девчонок в свою компанию, но с Лизой дружили, хотя она была девчонка и жила на Верхнем конце, а между ребятами Нижнего и Верхнего концов нередко бывали стычки.

Лиза была очень боевая, не ревела и не ябедничала, если ей попадало в драке, поэтому мы относились к ней, как к равной.

Была, правда, еще одна причина, почему мы дружили с Лизой: ее старший брат Егор был в нашем селе комсомольским секретарем, а комсомольцев мы уважали, нам хотелось самим поскорее вырасти, стать комсомольцами и ходить на комсомольские собрания. Егор работал продавцом в кооперативной лавке. Случалось, он угощал нас конфетами и орехами, которые у него в лавке стояли целыми ящиками, и при этом говорил:

— Смотрите, не обижайте мою сестренку.

Да она и сама себя в обиду не давала.

Детские годы — беззаботные годы. Бегай в школу, слушайся старших, не сломай ногу, когда катаешься на лыжах, да не отморозь нос — вот и все, что с тебя спрашивается. Мать всегда накормит картошкой или пареной репой, даст кусок хлеба, кринку молока. Износились одежонка — всегда найдется с плеча старшего брата. Пусть великовата, зато тепло.

Наше детство проходило в бурные двадцатые годы. Еще все помнили бои между белыми и красными у самого села, как трещали тогда винтовочные выстрелы, бухали пушки, как красные выбили белых из Керосдора.

Потом в селе началась новая жизнь. Появились коммунисты и комсомольцы. Всеми делами стал заправлять волостной исполком. По просьбе комсомольцев в одном из двух домов бывшего сельского богатея Герасима Игнатьевича, или по-нашему, по-коми, Иге Яре устроили клуб, в нем ставили спектакли.

До революции Иге Яре выстроил два больших крепких дома рядом с церковью — один для себя, другой для старшего сына. Сын его, унтер-офицер царской армии, участвовал в налете белых на родное село. Домой он не вернулся, и его дом исполком взял под сельский клуб.

Ох и злился тогда Иге Яре! Но когти у него уже были подрезаны. Прошли те времена, когда он тор-

говал в собственной лавке и был полным хозяином села. Теперь в бывшем его магазине разместился сельский кооператив, а торговал в нем комсомолец Егор Казаков.

Был у Иге Яре еще один сын — Зося, белобрысый неуклюжий мальчишка, наш ровесник. Он учился в городе и приезжал домой только на летние каникулы.

Из всех керосдорских ребят в городе учились только Зося и сыновья попа отца Никодима. Вдруг к нашему общему удивлению Саня объявляет, что отец посылает его учиться в город.

Отец Сани Кынева, секретарь сельской партячейки Афанасий Васильевич, в гражданскую войну сражался в коннице Буденного. В бою он потерял руку, поэтому пустой левый рукав солдатской шинели, которую он носил и зимой и летом, всегда у него засунут в карман.

Афанасий Васильевич часто рассказывал нам про Первую Конную, про Буденного, показывал серебряную табакерку.

— Подарок Семена Михайловича, — говорил он. — Нашего любимого командира.

Саня уехал в город. Очень мы заскучали без него. А когда в январе он вернулся в село на каникулы, первым делом приступили к нему с расспросами.

— На кого же ты учишься в городе? На учителя?

— Пока еще ни на кого,— отвечал Саня.— Просто учусь в школе второй ступени.

— Как же так?— удивлялись мы.— Учиться в городе и не стать хотя бы учителем!

— Вот кончу школу, поеду в Москву. Буду учиться на землемера.

— На землемера?— еще больше удивлялись мы.

В прошлом году в наше село приезжал землемер, важный такой, в зеленой фуражке, в очках. Мы день-деньской бегали за ним. Теперь нам представлялось, что и наш Саня будет таким же — в зеленой фуражке и в очках.

— А зачем тебе землю мерить?

Саня ответил серьезно, как взрослый:

— Всю землю надо перемерить заново и заново поделить. Отец говорит, отнимем у Иге Яре, у пола и у других богатеев лучшие земли, привезем машины и станем жить коммуной. Так учит Ленин.

А сколько нового узнал Саня в городе!

Он рассказывал нам о прочитанных книгах, о спектаклях, виденных в городском театре, читал наизусть стихи нашего первого национального советского поэта Нёбдинса Виттора.

— Нёбдинса Виттор не только стихи, он и пьесы сочиняет, и сам в пьесах играет,— рассказывал Саня.— А как он поет, как играет на балалайке!

От Сани мы впервые услышали о пионерах, об их

красных галстуках, о том, как они живут, как ходят в походы.

— Я теперь тоже пионер,— сказал Саня.— Вот походите, приеду летом, мы тоже организуем свой отряд.

Глава вторая

По селу шагают пионеры

С каким нетерпением ждали мы Саню, ходили встречать каждый пароход!

Наконец, он приехал.

Начались наши тайные сборы в лесу. Тайные, потому что так было интереснее. Мы решили, что до поры до времени никто не должен знать, что мы пионерский отряд. Мы были пионеры, а Саня наш вожатый. Мы его так и называли: «Товарищ вожатый».

Мы жадно ловили каждое слово нашего вожатого, когда он рассказывал про законы юных пионеров, когда учил ходить строем.

И вот однажды летним днем наше село увидело дотоле невиданное. По дороге, построившись в два ряда, дружно, в ногу, шагали мальчики и девочки,

человек двадцать. На груди каждого горел красный галстук.

Ребята шагали бодро, высоко держа головы и пели песню. Впереди всех шагал Саня Кынев и четко командовал:

— Раз-два... Раз-два...

Не могу передать, что творилось у меня в душе, когда я шагал в строю и пел вместе со всеми. То радостное ощущение я помню до сих пор. Такое же я испытал еще раз, когда, став солдатом, впервые встал в строй.

Мы шли и пели, а односельчане смотрели на нас из окон домов, от калиток.

Старухи, завидев нас, крестились.

— Конец свету, видно, приходит!— сказала одна, а другая подхватила:

— Креста, небось, ни на одном нет... Ишь, чего на шею навесили... Вот их уж бо-то накажет!

— Гляди-ка, и поповский сын с ними!

Тут нужно сказать, что сын нашего попа отца Никодима Коля Тюрнин учился в городе в школе вместе с Саней Кыневым. И что самое удивительное, они очень дружили. Нам эта дружба была не по душе: как же так, Саня водится с сыном попа и даже хочет записать его в пионеры? Сын попа и вдруг пионер — непонятно.

— Почему же Коля не может быть пионером?—

возражал нам Саня.— Ведь не он поп, а его отец. А Коля такой же школьник, как я, как другие. Он не виноват, что отец у него поп. Он с нами.

— Так, глядишь, и Зоську можно записать в пионеры?— спросил кто-то.

— Зоська — другое дело,— ответил Саня.— Тот не с нами, а против нас. А Коля обещал в церковь не ходить и даже дома, садясь за стол, не креститься. Выполняешь обещание?— обернулся он к Коле.

— Выполняю,— вздохнув, ответил Коля. Видно, нелегко ему было выполнять обещанное: отец, небось, крепко ругался.

После того дня, как мы впервые открыто промаршировали по селу, мы перестали прятаться и теперь собирались в клубе.

Так в нашем селе появился пионерский отряд.

Афанасий Васильевич и Егор Казаков часто приходили к нам на сборы, рассказывали о Ленине, о коммунистах, о комсомольцах. Мы помогали им чем могли: выпустить стенгазету, собрать народ на собрание — только скажи, мы тут как тут.

И Коля Тюрнин всегда и во всем был с нами, хотя отец Никодим приходил к Афанасию Васильевичу и просил выписать Колю из пионеров.

Старухи, видя Колю на улице в красном галстуке, говорили, сокрушенно качая головами:

— Взял бы батюшка ремень покрепче да прошел-

ся по чему следует, тогда бы снова надел крест на шею...

Но не таков был Коля Тюрнин, чтобы испугаться лупки. Вскоре мы в этом убедились еще раз...

Глава третья

Бикинь

Однажды теплым солнечным днем мы всем отрядом уехали за реку.

Ребята пошли купаться, а Саня отозвал меня в сторону.

— Пойдем, поговорить надо по секрету, — серьезно сказал он, глядя на меня своими большими синими глазами, и потянул меня за рукав в кусты ивняка, и еще дальше, на зеленую лужайку.

Мы легли рядом на траве.

Сверху печет солнце, снизу — нагретая земля. А вокруг цветут цветы — красные, синие, желтые. Летают бабочки, такие же красивые, как цветы. Хорошо...

Я молча ждал, когда Саня откроет мне свой секрет.

Наконец, он вынул из кармана штанов какую-то бумажку и протянул мне:

— Вот что Коля принес.

Я взял бумажку, развернул. На ней карандашом было написано крупными буквами: «Перестаньте играть в пионеры, не то вам будет плохо. Второй раз предупреждать не будем».

Никакой подписи не было.

— Как ты думаешь,— спросил я,— кто это написал?

— Не знаю. Коля говорит, нашел у себя на крыльце.

— Может быть, Зоська написал?

— Вряд ли. Рука не его.

— Но ведь он зол на нас...

— Ясное дело, зол. Дом у них отняли, торговлю прикрыли.— Саня придвинулся ко мне и зашептал, хотя поблизости никого не было:— Знаешь, Зосин отец где-то спрятал много золота. Зося сам хвастался Коле. Вот бы найти это золото и купить машины для коммуны!

Я и сам слышал разговоры о золоте, спрятанном Иге Яре. Говорили, что он за свою жизнь скопил немало. Он всегда держал по пяти коров, по две, по три лошади, каждое лето нанимал батраков. А в лавке своей обмеривал и обвешивал, как хотел.

— Давай побьем Зоську!— неожиданно вырвалось у меня.

Саня посмотрел на меня удивленно:

— Ты что? Зачем это?

— Пусть знает! Послушай, а вдруг Коля с ним заодно?

— Ну вот еще!— обиделся Саня.— Я за Колю ручаюсь. Думаешь, ему легко? Дома отец с матерью совсем его загрызли. Вот отец Коли с Зосиным отцом заодно — это да. Даже рыбу все лето вместе ловят.

— А что, если мне подкрасться к ним на рыбалке и послушать, о чем они говорят?— предложил я.— Может, про золото что узнаю...

Саня засмеялся:

— А если они будут молчать целый день? Нет, я думаю, надо поручить Коле разведать, где Иге Яре прячет золото.

Некоторое время мы лежали молча, глядя в безоблачное высокое небо.

Потом Саня достал из другого кармана аккуратно сложенный вчетверо лист бумаги.

— Вот у меня тут письмо. На, почитай.

Это письмо, написанное мелким четким почерком, я и сейчас словно вижу перед глазами.

«Дорогой друг Бикинь!— было написано в нем.— Прочитал твои стихотворения. Очень хорошо, что ты пишешь. Но скажу откровенно, твои стихи еще очень

и очень слабы. Это скорее частушки. Но ты продолжай писать. Во-первых, писать частушки тоже надо, а во-вторых, со временем научишься писать и настоящие стихи. Главное, старайся больше читать. Один писатель сказал: прежде, чем написать книгу, прочти двести книг. Чем больше книг прочтешь, тем больше будешь знать и лучше понимать жизнь.

Когда приедешь в город, постарайся встретиться со мной. Тогда обо всем поговорим.

Нёбдинса Виттор.

12 июля 1924 г.»

Я прочел письмо, перечел еще раз и посмотрел на Саню.

— Неужели это написал сам Нёбдинса Виттор?

— Конечно, сам.

— А кто такой Бикинь?

— Бикинь— это я!— ответил Саня.

Я с удивлением смотрел на своего друга.

— Ты — Бикинь?

Коми-зырянское слово «бикинь» по-русски означает «искра». Я не мог взять в толк, почему вдруг Саня Кынев называет себя Бикинем.

— Понимаешь,— возбужденно заговорил Саня.— Бикинь — это мое тайное имя. Я сам его себе придумал. По-русски такое имя называется псевдоним.

Почти у каждого писателя есть псевдоним. Вот, например, у Максима Горького настоящее имя — Алексей Максимович Пешков. Или взять Нёбдинса Виттора. На самом деле его зовут Виктор Алексеевич Савин.

— Так значит, ты тоже писатель?

Саня вздохнул.

— Хочу стать писателем. Только ты смотри, никому ни слова, чтоб никто об этом не знал. Это будет наша тайна. Можешь держать язык за зубами?

Не только держать язык за зубами, я готов был прыгнуть с обрыва, если бы мой друг попросил меня об этом.

— Пусть меня бык забодает, медведь в лесу съест,— с жаром сказал я,— пусть я сквозь землю провалюсь, если скажу кому-нибудь хоть слово.

— Я тебе верю,— сказал Саня и крепко пожал мне руку.

Глава четвертая

Бикинь выходит на бой

Но вскоре о Бикине заговорило все село.

Случилось это так.

В нашем селе кто-то гнал и продавал самогон.

Работники волисполкома с ног сбились, разыскивая самогонщиков, но найти не могли. Не раз производились обыски, комсомольцы обошли многие подозрительные дома — нигде никаких следов.

И вот однажды Коля Тюрнин рассказал мне и Сане, что накануне вечером его отец вернулся домой пьяным и сказал, что выпил у бабки Федосьи. «Нашел к кому в гости ходить,— в сердцах ответила попадьи.— Другие не угощают, так ты уж к Федосье рад пойти... Ох, горе-горькое, скоро все от нас отвернутся...» Тогда отец Никодим рассказал, что он ходил не в гости, а что в кустах у Сухого ручья построен шалаш, поставлены два чугуна, и бабка Федосья с утра до ночи гонит самогон из муки. Там же и продает.

— Откуда же Федосья муку берет?— удивилась попадьи.

— Да она не из своей муки гонит,— ответил отец Никодим.— Ее Иге Яре нанял, ему и все деньги от продажи самогона идут.

Мы с Саней сразу же пошли к Афанасию Васильевичу и обо всем ему рассказали.

— Молодцы, ребята,— похвалил нас Санин отец.— Иному хлеба не хватает, а Иге Яре на самогон муку переводит да мошну свою набивает.

На другой день исполкомовские работники застали Федосью на месте преступления.

Но бабка на все вопросы твердила, что никто ее не нанимал, что она варила самогон из собственной муки.

Вызвали в исполком отца Никодима, но он прикинулся обиженным, он, мол, знать ничего не знает.

— Я служитель бога и прошу освободить меня от допроса, не делать посмешищем мирян.

— Вы сами, батюшка, делаете себя посмешищем в глазах людей. Вас же видели, когда вы пьяный шли домой от Сухого ручья.

Шалаш Федосьи разорили, готовый самогон вылили на землю.

Через несколько дней в деревне получили свежий номер газеты «Югид туй». В газете была небольшая заметка. В ней рассказывалось о том, что пионеры села Керосдор помогли поймать самогонщицу, но что при этом самый главный виновник — Иге Яре — остался безнаказанным. Пусть, мол, милиция по-настоящему возьмется за это дело и выяснит всё до конца.

Заметка была подписана: «Бикинъ».

И пошли по селу разговоры!

В то время у нас мало кто выписывал газету. На все село два-три экземпляра. Но эту газету прочли все, ее передавали из рук в руки. Шутка ли сказать: до сих пор о нашей деревне нигде и никогда не писали, и теперь каждому хотелось своими глазами по-

смотреть на лист газеты, где упоминалось наше село.

— Видать, кто-то башковитый писал,— говорил моему отцу наш сосед дядя Иван, вертя в руках газету.— Так и надо этому Иге Яре. Никак не может отстать от своей привычки поживиться за чужой счет. Молодец этот самый Бикинъ. Ишь, как ладно получилось! Как у самого Нёбдинса Виттора.

— Кто такой этот Бикинъ?— спрашивали друг у друга наши односельчане.

Мы с Саней крепко хранили нашу тайну. Даже Лизе не проговорились про Бикинъ.

— Какие же вы пионеры, если не знаете!— насмешливо спросила Лиза.

Мы с Саней переглянулись и засмеялись.

— Да ведь ты тоже пионерка, и тоже не знаешь,— сказал я.

— А я обязательно узнаю,— пообещала Лиза.

Глава пятая

Зосины дружки

В детстве лето проходит как-то особенно быстро, не успеешь оглянуться, а уж лету конец. Кажется, еще вчера только впервые искупались в ледяной во-

де, и вот вода в Вычегде вновь становится холодной. Зато стали поспевать ягоды — сначала земляника, потом морошка и черника, покраснела брусника, а там, глядишь, пошли грибы.

В сенокос мы с Саней совсем не виделись. Тогда колхозов еще не было, и каждый хозяин косил на своем наделе. Мы, ребята, помогали взрослым, там, на лугах, и жили.

Когда сенокос кончился, и все вернулись в село, Саня сразу же объявил сбор отряда.

Мы собрались в клубе и горячо обсуждали предстоящий поход в соседнее село.

К этому времени ребят в нашем отряде прибавилось. Теперь родители не запрещали своим детям записываться в пионеры, потому что видели, что в пионерах учат не плохому, а хорошему.

— Пойдем со знаменем и с барабаном,— сказал Саня.

Вдруг в клуб вбежала младшая сестренка Лизы Казаковой.

— Ребята, Лизу побили!— с порога крикнула она.

— Кто?

— Где?

— Не знаю. Она утром пошла с девочками в лес по ягоды, а вернулась с пустой посудой. Плачет, говорит, мальчишки побили...

Мы побежали к Лизе.

Она лежала на постели, уткнувшись лицом в подушку и плакала.

Вот что она рассказала нам.

Утром девочки собрались по ягоды, но только вошли в лес за Сухим ручьем, как на них набросились мальчишки с Верхнего конца.

— Девочки испугались, побежали обратно,— рассказывала Лиза,— а я осталась.

Мальчишки стали кричать:

— Иди отсюда! Не дадим в нашем лесу ягоды собирать.

— С каких это пор лес вашим стал?— спросила Лиза.

— Ясное дело, наш. Раз от Верхнего конца идет, значит мы в нем и хозяева.

— Так ведь я тоже с Верхнего конца,— сказала Лиза.

— Мало ли что! Раз вступила в пионеры, водишься с ребятами с Нижнего конца, так и не ходи сюда больше.

Но Лиза решила не сдаваться и пошла дальше.

Тогда один мальчишка крикнул:

— Ах, ты так!

И что было силы толкнул Лизу в грудь. Лиза упала, а мальчишки принялись тузить ее кулаками по спине. Били и приговаривали:

— Вот вам, вот вам, пионерам!

— Потом мальчишки разбежались, а я пошла домой,— закончила Лиза и снова всхлипнула.

Мы молча, растерянные, стояли возле Лизы. Все это было так неожиданно, мы даже не знали, что сказать.

Наконец, кто-то спросил:

— Какие мальчишки тебя били?

Лиза покраснела и опустила глаза.

— Не знаю,— тихо сказала она.

— Как не знаешь? Ты же сказала, что это наши, с Верхнего конца ребята. Или, может, чужие, из другой деревни?

— Нет, из нашей...

— Ну, так кто же?

— Не помню...

— Скажи лучше, что боишься их назвать!— сказал я.— Эх ты, а еще пионерка!

Лиза, не поднимая глаз, призналась:

— Боюсь. Они пригрозили, что если пожалуюсь, мне еще хуже попадет.

Она уткнулась лицом в подушку.

— Не приставайте к ней, ребята,— сказал Саня.— И так ясно, что это дело рук Зосиных дружков. Сами знаете, что Зоська то и дело угощает их кренделями и пряниками. Небось, он подговорил тех ребят отлупить кого-нибудь из пионеров. Но ничего, мы еще посмотрим, кто кого.

Первый спектакль

Счастливые детские годы!

Как круто изменилась наша жизнь с того дня, как мы стали пионерами. Конечно, наши пионерские дела казались нам увлекательной игрой. Но как непохожа была эта игра на наши прежние деревенские игры!

Бывало, идем по селу с красным флагом и барабаном, а ноги так и пружинят под четкую команду нашего вожатого, и так весело, так торжественно на душе, как будто мы не просто ребятишки, а молодые солдаты великой народной армии.

В то время мы решили показать в клубе спектакль.

Выбрали пьесу Нёбдинса Виттора. Называлась она «Цветок увял на заре».

В ней рассказывается о том, как сын бедняка-крестьянина Григорий Сигеров (его играл Саня) ушел из родной деревни в рабочие на уральский завод. Там он стал революционером. После долгих лет скитаний он возвращается в дом отца безнадежно больной чахоткой и умирает вскоре после того, как приходит весть о революции, которую он ждал с таким нетерпением. Мне досталась роль Ивана, младшего братишки Григория. Помню, многие в зале вытирали

слезы, когда в конце спектакля я говорил, обращаясь к умершему брату:

— Ты уснул, дорогой брат... Взошло солнце, а цветок увял. Спи спокойно, Гришук. Ты заботился о бедных и обездоленных. Огонь, на котором ты сгорел, никогда не погаснет. Вы его зажгли, мы раздуем пламя...

Но лучше всех играл, конечно, Саня.

Спектакль удался на славу, нам долго аплодировали.

После спектакля мы с Саней, счастливые, взволнованные, долго ходили по улицам села, мечтали о будущем.

— Я обязательно буду писателем или артистом,— говорил Саня.— А может быть, и тем и другим сразу. Буду сочинять пьесы и играть в них главные роли. Как Нёбдинса Виттор.

— Ты же хотел стать землемером,— напомнил я. Я был все-таки немного огорчен. Мне почему-то хотелось, чтобы Саня стал землемером.

Саня сосредоточенно молчал, потом сказал:

— Я и землемером буду! Надо отобрать земли у Яре Иге и отца Никодима, а то они, хитрые, захватили себе лучшие земли.

Мне не верилось, что у Яре Иге и отца Никодима можно отобрать землю, но я промолчал.

— А ты хотел бы поехать в город учиться?—
неожиданно спросил Саня.

Что я мог ему ответить?

Конечно, мне очень хотелось учиться дальше, стать учителем, фельдшером или, лучше всего, землемером. Но пока об этом я мог только мечтать.

— Вот кончу школу, поеду учиться в Москву,—
продолжал Саня.

— Где же ты денег возьмешь? На что будешь жить?

— Сам стану зарабатывать. Я в городе познакомился с одним парнем, он в Москве учится на инженера. Так он по ночам грузчиком работает. Вот и я стану грузчиком. Лишь бы учиться...

До позднего вечера ходили мы с Саней по селу и все не могли наговориться. Наконец, Саня предложил:

— Пойдем спать ко мне?

Мы, деревенские мальчишки, летом никогда не спали в избе, а устраивались в сенях под пологом от комаров, а то и просто в сарае на сене. Там было прохладнее, чем в доме, и нравилось нам гораздо больше.

Я обрадовался приглашению.

— А про «Последнего из могикиан» будешь рассказывать?— спросил я.

— До зари!

В ту ночь мы почти не спали.

Саня в городе перечитал очень много книг, каких не было в нашей сельской библиотеке, и часто пересказывал нам содержание своих любимых книг.

Особенно любил он две книги Фенимора Купера — «Зверобой» и «Последний из могикан». Его восхищал Натти Бампо — бесстрашный защитник бедных и угнетенных.

В ту ночь Саня, как и обещал, до зари рассказывал мне о подвигах Натти Бампо, и мы заснули, когда лучи утреннего солнца уже позолотили крыши домов и ярким снопом хлынули в открытую дверь сарая.

Глава седьмая

Мы ищем золото

Еще не кончилось лето, еще далеко было до начала учебы, а отец Никодим с попадьей решили, не дожидаясь конца каникул, отправить Колю в город.

— Мать завтра едет и меня берет с собой. Назло, чтобы я с вами не водился, — со слезами в голосе говорил Коля. — Но вы не вычеркивайте меня из отряда. А галстук я в город возьму. Пусть отец с матерью что хотят со мной делают, все равно буду пионером!

Мне стало жалко Колю. «Чего еще ждать от по- па?— подумал я про отца Никодима.— Поп он и есть поп. Только и знает, что народ обманывать».

Коля попрощался со всеми ребятами, но что-то не спешил уходить, как-то странно посматривал на Саню. Наконец, Саня сказал:

— Ну, что там у тебя? Говори скорее и беги до- мой, а то еще опять ремня заработаешь...

Коля покраснел. Отец уже раз выдрал его, когда узнал, что сын вступил в пионеры.

Коля поманил нас с Саней в сторонку и тихо сказал:

— Я кое-что разузнал о золоте Иге Яре.

— Ну?

— Сам слышал, как он говорил моему отцу, что надо золото перепрятать, а то зарыто ненадежно — на скотном дворе.

— Не врешь?— строго спросил Саня.

— Сам слышал, честное пионерское!

— Вот бы добыть это золото!— глаза у Сани за- блестя.

— А что бы мы стали с ним делать?— спросил я.

— С золотом-то? Купили бы плуги для коммуны, молотилку.

На другой день Коля уехал в город.

Мы с Саней занимались своими обычными пионер- скими делами, но мысль о золоте не выходила у нас

из головы. Подолгу обсуждали мы различные планы, как его достать. Мы никому не рассказывали о нашей тайне, потому что нам хотелось сделать все самим, своими руками.

В конце концов мы решили подстеречь, когда Иге Яре уйдет на рыбалку, и пробраться в его конюшню.

Двухэтажный дом Иге Яре был самым большим в селе и стоял посреди деревни, у самой церкви. Летом хозяева жили наверху, зимой спускались вниз. Возле дома — сарай, тоже в два этажа. Внизу скотина — лошади, коровы, голов тридцать овец; наверху — сеновал. У всех в деревне дом и сарай стояли под одной крышей, а у Иге Яре они крыты поотдельности. Хозяину хотелось, чтобы все у него было на отличку.

Однажды вечером мы с Саней, прихватив лопату, подкрались к сараю Иге Яре. Мы рассчитывали, что конюшня пуста, потому что лошади летом почти все время в лугах.

Мы приоткрыли дверь сарая и заглянули внутрь. Лошадей не было, лишь в соседнем отсеке коровы жевали жвачку.

— Идем, — шепнул Саня и открыл дверь сарая пошире. Она легонько скрипнула.

Вдруг в сумрачной тишине сарая раздался оглушительный лай.

Вот так штука! Этого мы никак не ожидали, ведь своими глазами еще утром видели, как их Буско побежала за хозяином на рыбалку.

Мы замерли, собака заливалась на всю деревню.

Кто-то вышел из дома.

— Беги!— приказал мне Саня.

— А ты?

— Я за тобой.

Я выскочил из сарая и припустился что было силы. Забежав за соседний дом, остановился и стал поджидать Саню. Но его не было.

Прислушался. Собака больше не лаяла, но возле сарая Иге Яре раздавались какие-то голоса.

Ясно — Саня попался.

На другой день Иге Яре пожаловал к Санину отцу, Афанасию Васильевичу с лопатой, которую мы накануне бросили в его конюшне.

Он приоделся, как на праздник, большая черная борода расчесана, темные глаза блестят из-под козырька фуражки.

Иге Яре степенно поздоровался с Афанасием Васильевичем. На нас с Саней даже не взглянул.

Афанасий Васильевич встретил незваного гостя вежливо, предложил сесть.

Тот подошел к столу и не спеша опустился на лавку.

— Жаловаться пришел,— сказал он и кивнул головой в нашу сторону.— На них.

— Что такое?— незаметно подмигнув нам, спросил Афанасий Васильевич. Мы еще с вечера обо всем ему рассказали.

— Баловство затеяли ребята.

— Баловство? Ну, у мальчишек всегда баловство на уме. И мы были такими же.

— Нет, наши шалости никому не мешали. Мы в чужие дома нос не совали,— не спеша говорил Иге Яре.— Я вот лопату принес. Узнаешь?

— Узнаю. Наша лопата.

— То-то и оно. Меня самого вчера дома не было, а сын мой сказал, что поймал твоего кормильца с этой лопатой в нашей конюшне. Дружок его убежать успел. Вот я и спрашиваю: что им надо в чужой конюшне?

Афанасий Васильевич посмотрел на нас и в тон Иге Яре сказал:

— Я и сам не пойму, что им надо было в твоей конюшне? Лошади в лугах, да и не крадут у нас лошадей. Может, у тебя там золото зарыто, а?

Иге Яре всего передернуло.

— Какое еще золото? Нет у меня никакого золота! Приходите, копайте, если не лень. А ребят наказать следует: сегодня они в конюшню заберутся, завтра в амбар. Пионеры! Только и знают, как про

других в газету писать. Нынче каждый сопляк сам себе хозяин, что задумал, то и сделает. Уваженья — никому. Да откуда возьмется уважение и страх, ежели бога забыли. Штаны — заплата на заплате, смотреть тошно, а туда же, человеком себя считает... Голодранцы проклятые!

— Ну вот что, — Афанасий Васильевич встал, поправил пустой рукав. — Нам с тобой говорить больше не о чем, не первый день друг друга знаем. То, что ребята в конюшню твою забрались, виноваты. А за амбар свой можешь не беспокоиться: у ребят не воровство на уме. Они золото твое искали. Не для себя, заметь, а для коммуны.

Иге Яре вскочил, в ярости схватил со стола свою фуражку и за порог.

— Эх вы, кладоискатели, — засмеялся Афанасий Васильевич, когда Иге Яре скрылся за дверью. Он подошел к Сане, погладил его по русой голове и сказал уже серьезно: — Зря вы, ребята, все это затеяли. Не ваше это дело. С такими, как Иге Яре, мы без вас справимся. — Он снова засмеялся, притянул нас обоих к себе и крепко-крепко обнял.

Я до сих пор так и не знаю, было ли в самом деле золото Иге Яре зарыто в конюшне, но точно могу сказать, что золото у него все же нашли. Только не пионеры, а взрослые, с помощью милиционеров.

Но, оказывается, и здесь не обошлось без Сани. Жила у Иге Яре батрачка. Уже несколько лет. Звали Аннушкой. Безропотная девушка, почти невеста, во всем слушалась хозяина. Говорили, подобрал ее Иге Яре в соседнем селе. Аннушку ни разу не видели в клубе.

Как-то Саня спросил Егора Казакова:

— Почему эта Аннушка не в комсомоле?

— Боится она меня,— ответил Егор.— Поговори ты с ней.

Не знаю, чем закончился этот разговор, но Аннушка и после этого не появлялась в клубе.

Вот тогда-то и пришла в село газета, а в ней писалось о батрачке, которую в Керосдоре притесняет Иге Яре, не пускает даже в клуб. Под заметкой подпись: «БИКИНЬ».

На следующий же день Аннушка вся в слезах прибежала к Афанасию Васильевичу.

— Выгнал меня,— пожаловалась девушка.— Куда я теперь? Ни отца, ни матери...

— Придумаем что-либо,— сказал Санин отец.— По суду взыщем за все. Сколько ты у них работала?

— Три года...

Афанасий Васильевич передал дело в суд.

Вскоре сам Иге Яре пожаловал к нему, стал просить взять заявление из суда, обещался полностью выплатить девушке.

— Нет, Герасим Игнатьевич, будем судить,— твёрдо сказал Афанасий Васильевич.— Советская власть за такие дела не прощает...

На суде всплыло дело о золоте. Может, и Аннушка сама подсказала. Пришли к Иге Яре с обыском, нашли.

Могу здесь еще сказать: Аннушку устроили курьером в исполком, а вскоре послали учиться на курсы.

Таким был наш Саня. Везде первый. И, конечно, никто из нас не ожидал его трагического конца.

Глава восьмая

Бикинъ с нами

Каждый раз, приезжая в родное село, я иду на кладбище. Там похоронены мой отец и отец Сани. А рядом с небольшим белым обелиском, стоящим над могилой Афанасия Васильевича, стоит другой белый обелиск, на котором написано:

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ КЫНЕВ

(1910—1924 гг.)

Да, всего четырнадцать лет прожил на земле наш Саня, наш Бикинъ...

Тихо и спокойно начался тот несчастный день.

С утра многие из наших односельчан поехали за реку, кто по грибы, кто по ягоды.

Ничто, казалось, не предвещало плохой погоды. Но после полудня откуда-то с северо-востока, как это обычно бывает в наших краях, неожиданно выплыла туча, закрывшая собой все небо. Поднялся сильный ветер, по реке побежали волны.

Еще утром мы с Саней на маленькой лодчонке тоже переправились на тот берег Вычегды и отправились в лес за груздями.

Долго бродить по лесу нам не пришлось: почти сразу же напали на грибное место и до краев наполнили наши корзинки.

Можно было возвращаться домой, но с нами в лодке были удочки, и мы решили наловить рыбы на ужин, порадовать матерей.

Когда поднялся сильный ветер, какая-то лодка отчалила от берега и поплыла к другому берегу, в деревню. Волны то подбрасывали ее высоко вверх, то, казалось, вот-вот захлестнут. Но, видно, кто-то опытный сидел на веслах, и лодка медленно, но неуклонно приближалась к тому берегу.

— Как же мы поплывем?—спросил я.— У нас лодка легкая, ее сразу на таких волнах перевернет.

— Давай подождем, пусть ветер утихнет,— предложил Саня.

— Давай, спешить некуда.

В это время от берега отплыла другая лодка, в которой сидели одни женщины. Среди них была и Лиза.

Многие женщины крестились, когда лодка отчаливала. Видно, им было очень страшно плыть по бурной реке. Но они не могли, как мы, переждать погоду, дома их ждали дети.

Мы с Саней неотрывно следили за этой лодкой. Понемногу она приблизилась к середине реки.

Вдруг лодка повернулась вдоль волны, и высокая волна, перехлестнув через борт, накрыла ее.

Неподалеку от нас покачивалась у берега большая крепкая лодка Зоси. Он со своими дружками ходил на озеро охотиться на уток, и теперь тоже что-то ожидали у берега. Все парни были с ружьями.

Саня бросился к Зосе.

— У вас большая лодка! Успеем еще! Скорее!

Он принялся было отвязывать Зосину лодку, но Зося оттолкнул его:

— Не тронь!

Саня на миг опешил.

— Да ты что?— закричал он.— Не видишь, люди тонут!

— Кто их гнал сейчас плыть?— невозмутимо возразил Зося.— Могли бы подождать. Это тебе не грабить чужое...

Саня сжал кулаки. Было видно, что он еле сдерживается, чтобы не броситься на Зосю.

Зосины дружки стояли рядом со своим вожаком, молчали.

Саня круто повернулся и побежал к нашей лодке. Я за ним. Мы быстро отвязали лодку, прыгнули в нее и принялись грести, что было сил.

Попавших в беду увидели и с того берега. Нескольких мужиков вышли на большой лодке на помощь тонущим. Одновременно подоспели и мы с Саней.

Оказалось, волна не опрокинула лодку, а лишь захлестнула ее. Женщины, ухватившись за борта полузатонувшей лодки, кое-как держались на воде.

Многие кричали и плакали.

Вдруг Лиза и еще одна женщина почти разом выпустили борт лодки, видно, пальцы совсем окоченели. Обе стали тонуть.

Саня схватил Лизу за воротник и втащил в нашу лодку.

Женщина протягивала к нам руки и что-то кричала.

Саня подплыл к ней поближе и протянул весло. Но тут ее голова скрылась под водой, потом показалась и снова исчезла.

Тогда Саня прыгнул в реку.

Мы видели, как он подплыл к женщине, как схва-

тил ее за руку. Потом они оба скрылись под водой, только волны вздымались на том месте, где несколько мгновений назад виднелись две головы — темно-волосая и русая...

Саня Кынев! Друг моего детства! Ты всегда останешься в моем сердце и памяти таким, каким был в своей короткой жизни: добрым и смелым. Потому что я так часто думаю о тебе и мысленно прошу твоего совета...

В тот же год, как погиб Саня, по настоянию его отца мы с Лизой Казаковой уехали учиться в город. Позже по нашим следам поехали на учебу и другие ребята.

Жизнь разбросала нас в разные стороны. Коля Тюрнин, как и следовало ожидать, не поддавался ни угрозам, ни уговорам отца. Он погиб в Великую Отечественную войну, защищая Ленинград. Лиза Казакова в годы войны была военврачом.

Теперь в Керосдоре живут и растут новые ребята. Они, конечно, знают гораздо больше, чем знали мы в их возрасте, лучше во всем разбираются, но есть между нами и много общего.

Каждый раз, бывая летом в родном селе, я вижу, как пионеры приносят свежие цветы к белым обелискам, под которыми покоятся Афанасий Васильевич

Кынев, бывший секретарь партийной ячейки, и Саня Кынев — первый пионер нашего села.

Пионеры чтут твою светлую память, Саня. Значит, ты теперь с ними, наш дорогой Бикинь!..

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Иван Васильевич Изъюров

Наш Бикинь

Маленькая повесть

Художник С. А. Добряков
Редактор В. А. Попов
Худож. редактор М. П. Безносков
Техн. редактор А. Н. Вишнева
Корректор Н. А. Адамова

Сдано в набор 13/1-1969 г. Подписано к печати 10/II-1969 г.
Формат 70×108¹/₃₂. 0,625 бум. л., 1,7 печ. л. (Уч.-изд. л. 1,1). Заказ № 220.
Ц00107. Тираж 30000. Цена 4 коп. Бумага № 2.
Коми книжное издательство. Сыктывкар, Дом печати.

* * *

г. Сыктывкар, Республиканская типография Управления по печати
при Совете Министров Коми АССР.

4 коп.

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1969